

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. — М.: Наука, 1979. 148 с.

Некоторые проблемы теории грамматических категорий в монголистике все еще остаются спорными и нерешенными.

Рецензируемая книга посвящена историко-сравнительному исследованию основных именных и глагольных категорий бурятского языка, анализу способов и средств их оформления. Наиболее подробно освещены в книге категории множественности, склонения и притяжания.

Как известно, грамматическая категория числа в языках флективного строя представлена в виде оппозиции форм ед. и мн. числа имени. В бурятском языке, агглютинативном по своему морфологическому типу, имена в своем большинстве индифферентны к понятию числа. По наблюдению Ц. Б. Цыдендамбаева, удельный вес имен, индифферентных к категории числа, составляет в бурятском языке внушительную часть: более половины нарицательных существительных, свыше девяти десятых имен прилагательных, определительных местоимений и числительных. К ним примыкают также существительные со значением совокупности предметов или опредмеченных действий.

Многие выдающиеся алтаисты (В. Шотт, О. Вётлингк, Г. Рамstedт, В. Котвич, Б. Владимиров, Г. Санжеев) пытались восстановить в монгольских личных местоимениях более архаичное соотношение форм ед. и мн. числа. Автор монографии поддерживает гипотезу о том, что местоимение *бидэ* «мы» могло сложиться из *би* «я» + *та* «вы». Свое предположение автор обосновывает тем, что значения местоимений *би* «я» и *та* «вы», взятые вместе, не противоречат, а гармонируют со значением местоимения *бидэ* < *бида* «мы». Диахронный анализ материала конкретных монгольских языков (дагурского, ордосского, ойратского, старописьменного монгольского, современного монгольского, калмыцкого и бурятского), свидетельствующего о местоименном происхождении показателя мн. числа *-дэ*, позволяет автору прийти к выводу о том, что «под влиянием ассимилирующего воздействия предшествующего переднерядного *и* (в слове *би*) гласный заднего ряда *а* (в слове *та*) перешел в переднерядный *э*: *би + та > бида > бидэ*» (с. 19). Разработка данной проблемы, как и всего широкого круга вопросов, связанных с грамматическими категориями имени,

в целом отличается четкостью научных суждений и доказательностью выводов.

Исследования структуры и семантики суффиксов мн. числа имен существительных бурятского языка привели автора к заключению о том, что разнообразие суффиксов мн. числа «обусловлено не только семантикой и окончанием производящих основ, но и семантикой самих выразителей множественности» (с. 26). Новым в теории грамматических категорий монгольских языков явилось выделение категории множественности вместо традиционной категории числа. Скрупулезное исследование причин многообразия и семантической специфики различных форм мн. числа позволяет установить четыре типа множественности имен: сплошное, собирательное, ограниченное, неопределенное. Детально анализируются автором ограниченное и неопределенное множество, о наличии которых в бурятском языке ранее нигде не говорилось.

Тщательный морфологический и семантический анализ падежей в бурятском языке, сравнение их с соответствующими падежами монгольского, калмыцкого и старописьменного языков дает возможность отметить, что падежные форманты в них в основном имеют одни и те же прототипы: суффиксы родительного падежа восходят к *-н*, *-и*, дательного-местного — *-ду*, винительного — *и*, орудного — *-гар*, совместного — *-тай-теи*, исходного — *-акал-еце* и *-кал-це*. На основе лингвистического анализа устанавливается лексико-грамматический характер падежных форм: они по преимуществу являются словоизменительными, однако в ряде случаев лексикализуются, образуя адъективированные и адвербиализованные слова.

Категория притяжания рассматривается в работе как одна из основных грамматических категорий бурятского языка. На обширном материале автор устанавливает местоименное происхождение монгольских лично-притяжательных частей.

Вторая часть книги посвящена описанию глагольных категорий. Анализируются морфологические категории залога, вида, времени, наклонения. По мнению автора, из перечня глагольных категорий должны быть исключены категории переходности/непереходности, ак-

ивности/пассивности, так как они в сущности реализуются как лексико-семантические группировки глаголов. Категорию лица, по мнению ученого, следует квалифицировать как второстепенную, функционально-ограниченную, ибо она употребительна лишь в пределах глаголов повелительного наклонения.

На основе морфологических показателей и их значений в монографии выделены три залога: побудительный, страдательный, содействовательный. Особое внимание обращается на те сложности, с которыми связана характеристика побудительного залога в бурятском и других монгольских языках. В частности, в некоторых случаях значение побудительного залога таково же, как и страдательного залога. Двойственная природа побудительного залога, его различные значения улавливаются лишь благодаря лексическому окружению. На основе привлечения текстового материала Ц. Б. Цыдендамбаев уточняет многоплановость содержания побудительного залога и находит дополнительные критерии для разграничения отдельных типов его значений. Страдательное значение, как утверждает автор, имеет место тогда, когда действие направлено на субъект-подлежащее. И, напротив, в тех случаях, когда действие направлено не на субъект-подлежащее, а на объект-дополнение, соответствующие глагольные формы приобретают побудительное значение. Эти различия лишней раз подтверждают общетеоретическое положение о том, что для определения залогового значения глаголов существенную роль играет направленность действия на субъект или объект. Кроме того, важно отметить, что при более внимательном отношении к материалу можно обнаружить наряду с суффиксальными показателями и другие объективные признаки, отличающие страдательные глаголы от побудительных. Иначе говоря, в отдельных случаях при определении лингвистических значений недостаточно ориентация лишь на формальные (морфологические) показатели. Необходимо учитывать также и другие средства опознания грамматических значений, например, лексико-семантические и синтаксические.

Обобщая отдельные положения о страдательном залоге, декларированные в работах монголистов, Ц. Б. Цыдендамбаев подчеркивает, что самое главное, без чего не может обойтись страдательный оборот, — это направленность действия на объект, оформленный как субъект.

Что касается так называемого «содействовательного» залога, то Ц. Б. Цыдендамбаев высказывается о необходимости лишь терминологического уточнения: термин «содействовательный», по его мнению, наиболее полно и по существу отражает действительное содержание рассматриваемого залога.

Рассмотрение залоговых форм глаголов бурятского языка в сравнении с соответствующими формами залогов других

монгольских языков показало, что категория залога в указанных языках сложилась еще в общемонгольский период. Основанием для такого утверждения является идентичность средств образования залоговых форм, подвергшихся фонетическим изменениям в процессе их исторического развития в отдельных монгольских языках.

В главе о категории вида автором монографии высказана точка зрения, которая, как представляется, наиболее верно отражает характер объективно существующих в бурятском языке видовых значений. Для анализа фактов бурятского языка Ц. Б. Цыдендамбаев использует основной принцип современной аспектологии — необходимость различать собственно вид (морфологическое противопоставление, охватывающее всю совокупность глагольной лексики, подобно корреляции совершенный — несовершенный вид в русском языке) и так называемые способы действия (отдельные группировки глагольной лексики, выделяемые на основе частных характеристик глагольного действия по способу его совершения). Рассматриваемый в главе материал позволяет автору сделать вывод, что система видов астада складывалась после образования отдельных монгольских языков и что этот процесс все еще продолжается» (с. 126).

При описании грамматической категории времени Ц. Б. Цыдендамбаев опирается на известное в языкознании положение, в соответствии с которым принято выделять формы настоящего, прошедшего, будущего абсолютного времени, которое определяется через отношение одного времени к другому в последовательности устного или письменного изложения. В книге на оригинальных примерах из художественной литературы и диалектов разбираются все случаи функционирования различных форм времени. При этом автор прибегает к весьма важным и обоснованным замечаниям по поводу тех или иных спорных вопросов, касающихся данной категории. В частности, Ц. Б. Цыдендамбаев говорит о необходимости четкого разграничения аналитического способа выражения времени и синтаксической конструкции сложных глагольных сказуемых с временным значением. В первом случае конструкция функционально не расчленима, во втором она состоит из основной части, выраженной оюочательными формами бурятского глагола настоящего и прошедшего времени, и служебного компонента со значением времени, модальности.

Как любое серьезное научное исследование, рецензируемая работа наряду с несомненными достоинствами не лишена отдельных недочетов и спорных моментов. Некоторое сомнение вызывает утверждение автора о том, что грамматическая категория вида в бурятском языке «фиксирует отклонения от обычного, нормального действия в темпе,

краткости, размере» (с. 126). В этой формулировке остается неясным, какое действие можно считать «нормальным» и что является критерием отклонения от него. Указание на многократность, мгновенность, внезапность и т. д. как реально существующие в языке конкретные характеристики способа протекания действия во времени едва ли следует квалифицировать как «отклонения».

В первую очередь нас смущает то обстоятельство, что автор, исходя из своего постулата о том, что «грамматическая категория исследуемого языка бывает не только значимой, но и морфологизованной» (с. 3), отвергает все исходные формы, в частности, ед. число, именительный падеж, действительное наклонение и 2-е лицо побудительного наклонения. Нам представляется, что тезис Ц. Б. Цыдендамбаева об отсутствии в бурятском языке перечисленных форм находится в явном противоречии с общепринятым подходом к языку в целом и ко всем языковым явлениям. Мы не согласны с тем, что Ц. Б. Цыдендамбаев отвергает понятия о нулевой показателе и нулевой форме, обоснованные на материале многих языков и опирающиеся, как известно, на фактор парадигматичности форм. Думается, что автор чрезмерно прямолинейно проводит и свой тезис об обязательной морфологической оформленности грамматической категории. Исходя из этого, он отрицает в бур-

ятском языке наличие именительного падежа. В данном случае мы считаем более убедительной трактовку научной грамматики бурятского языка, согласно которой именительный падеж и основа представляют собой разные по содержанию, хотя и формально совпадающие категории. Согласиться с точкой зрения Ц. Б. Цыдендамбаева значит ввести дополнительные сложности в практику школьного преподавания. Так, в предложении *Утюгнай шатаа* «Перегорел утюг» слово *утюг* ученик должен считать не именительным падежом, а основой (поскольку от него образуется новое слово *утюгдаха* «утюжить»), а на уроке русского языка тот же ученик, разбирая предложение *Наш утюг перегорел*, слово *утюг* должен трактовать как именительный падеж, совпадающий с основой, и т. д.

В заключение следует отметить, что автор рецензируемой монографии изложил принципиально новое понимание целого ряда именных и глагольных категорий бурятского и родственных ему других монгольских языков. Теоретические положения книги хорошо иллюстрируются добротным языковым материалом. Монография Ц. Б. Цыдендамбаева вносит ценный вклад в развитие теории грамматических категорий в монгольском языкознании.

Дондуков У.-Ж. Ш., Матеев Б. В.

Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. — М.: Наука, 1979. 304 с.

Рецензируемая книга представляет собой посмертно опубликованный сборник работ одного из крупнейших советских лингвистов и востоковедов проф. Александра Алексеевича Холодовича (1906—1977). Сборник содержит монографию «Глагол в современном японском языке», публикуемую впервые, и девять статей, преимущественно общезыковедческого характера (1946—1970 гг.).

При отборе работ, помещенных в сборнике и образующих по объему лишь небольшую часть творческого наследия А. А. Холодовича (см. список его основных научных трудов на с. 299—303), составители стремились познакомить читателей с наиболее важными теоретическими исследованиями А. А. Холодовича, написанными в послевоенный период (с. 3), и по возможности полно и разносторонне представить систему его общелингвистических и методологических взглядов. Этот критерий оказался весьма удачным, позволив придать книге внутреннее единство и одновременно достаточно широко охватить в ней основные аспекты научного творчества А. А. Холодовича, несмотря на то, что боль-

шинство его конкретно-лингвистических исследований (в области японского и корейского, а также айнского, бацбийского, грузинского, индонезийского, пивского, финского, чувашского, чукотского языков) по необходимости осталось за ее пределами.

Работы, включенные в сборник, настолько многосторонни и информативны, что проанализировать всю полноту их научного содержания в настоящей рецензии вряд ли возможно. Мы ограничимся здесь рассмотрением этих работ преимущественно с точки зрения тех методологических принципов, на которых они основаны. Дело в том, что, с одной стороны, исследования А. А. Холодовича (вообще ориентированные на очень широкого читателя) в методологическом отношении представляют интерес для языковедов всех без исключения направлений и специальностей и, с другой стороны, при очевидной целостности и последовательности общезыковедческих воззрений автора он сам не свел их воедино в какой-либо специальной работе.

В самом общем плане выделяется три